

S T U D I A P H I L O L O G I C A

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ МИРОВОЙ ЛИТЕРАТУРЫ им. А. М. ГОРЬКОГО

А. С. Демин

ИСТОРИЧЕСКАЯ СЕМАНТИКА
СРЕДСТВ И ФОРМ
ДРЕВНЕРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Источниковедческие очерки

Издательский Дом ЯСК
Москва 2019

УДК 821.161.1.0
ББК 83/3(2Рос=Рус)1
Д 30

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проект № 19-112-00009, не подлежит продаже

Демин А. С.

Д 30 Историческая семантика средств и форм древнерусской литературы (источниковедческие очерки). — М.: Издательский Дом ЯСК, 2019. — 496 с. — (Studia philologica.)

ISBN 978-5-907117-70-9

В монографии выясняется и объясняется изобразительный и экспрессивный смысл преимущественно небольших средств и форм повествования в древнерусских литературных произведениях XII–XVII вв. и рукописных сборниках XVII в.; анализируются словосочетания, перечисления, сравнения, эпитеты, параллелизмы, афоризмы, комплексы деталей, циклы рассказов и иные формы древнерусского изложения. Так определяется степень литературности словесных памятников и их место в истории древнерусской литературы.

Книга предназначена для филологов и студентов, обладающих литературным вкусом, для более глубокого и верного понимания текста произведений Древней Руси.

УДК 821.161.1.0
ББК 83/3(2Рос=Рус)1

*В оформлении переплета использована миниатюра
из Синодика конца XVII века (Хлудовское собрание № 181.
Бумага. 157 лл. ГИМ 86795/181, л. 57)
© Исторический музей*

ISBN 978-5-907117-70-9

9 785907 117709 >

© А. С. Демин, 2019
© Издательский Дом ЯСК, 2019

Оглавление

Вступительные замечания	9
-------------------------------	---

Глава первая Фразеология

«Опредмечивание» абстракций в «Слове о полку Игореве»	13
«Житие Александра Невского» и летописание XII в.	16
Особенности фразеологии «Степенной книги» (на материале Пространной редакции)	26
Витиеватая фразеология	26
«Подтвердительная» фразеология	30
Отголоски «Слова о полку Игореве» в «Казанской истории»	47
Толерантная фразеология «Казанской истории»	59
Фразеологические новации «Повести о прихождении Стефана Батория на град Псков»	71
Фразеологические опыты начала XVII в.	81
«Пискаревский летописец»: «книжное просторечие»	81
«Временник» Ивана Тимофеева: «прикровенная» фразеология.	85
«Лишние слова» в «Житии Мартирия Зеленецкого»	88

Глава вторая Малые формы

Структура перечислений в «Повести временных лет»	95
«Нагнетательные» перечисления в «Сказании о Борисе и Глебе»	106
Сравнение «акы вода» в «Сказании о Борисе и Глебе»	110
О выразительности списков «Задонщины»	116
Осмысление афоризмов Симеоном Полоцким в книге «Жезл правления»	133
«Двустрочные» высказывания в «Мазуринском летописце»	138

Глава третья Комплексы деталей как форма

Изобразительные и экспрессивные детали в «Повести временных лет»	143
Жалостливые детали в «Сказании о Борисе и Глебе»	152
Изобразительные сочетания деталей в «Слове о полку Игореве»	160
Повествовательные слои в «Слове о погибели Русской земли»	166
Социальный облик автора по уточняющим деталям «Жития Александра Невского»	186
Поведение героев в повестях XV в.	196
Тягостные детали в «Псковской второй летописи»	202
Детали в кратких сообщениях «Ермолинской летописи»	210
Различия деталей в русских редакциях «Чуда Георгия о змие»	213
Трагические детали «Повести о Горе-Злочастии»	216
Приложение. Текст «Повести о Горе-Злочастии» по списку РНБ, Погод., 1773	226
Сумрачные оттенки в пейзажах Аввакума	237
Новые детали в простонародных повестях конца XVII — начала XVIII в.	243
«Повесть о Еруслане» по спискам 1640-х и 1710-х гг.	243
«Повесть о Бове» по списку конца XVII в.	248
«Сказание о царе Василии Константиновиче»	252
Повесть об аравийском царе Амире в «Девгениевом деянии»	255

Глава четвертая Жанровые формы

Взаимосвязи форм изложения в «Повести временных лет» и «Новгородской первой летописи»	261
Внутренние монологи литературных героев в «Сказании о Борисе и Глебе» (заметка)	269
О жанровой связи и различии «Сказания» и «Творения» дьяка Родиона Кожуха.	273
Комплекс мелких и малых жанровых форм в «сербской» «Александрии»	278
Приложение. Афоризмы в «Александрии»	283
«Хор» жанров в «Хронографе 1512 г.»	287
1. Статьи «О смерти» каких-либо лиц	288
2. Нумерованные перечисления	294
3. Описания состава строений и изделий	297
4. Толкования	300
5. Законы. Прения. Поучения	301
6. Летопись	303

7. Смысл «Хронографа»	305
8. Картинки в «Хронографе».....	310
Приложение. Примеры небольших жанровых форм	313
Рифмованные отрывки в «Сказании» Авраамия Палицына	333
Жанровый состав в «Повести о Горе-Злочастии».....	336

Глава пятая Циклы как форма

Литературные циклы в летописях XII–XIII вв.	343
Цикл рассказов «Физиолога» по списку XV в.	365
Цикл снов царя Шахаиши по списку XV в.	375
«Повести о Николе Заразском» как трагический цикл	379
«Казанская история» как «сладостный» цикл	384
«Летописная книжица» как украшенный цикл.	390
Заметки о циклах в «Житии» протопопы Аввакума и в «Пустозерском сборнике»	393
Библейский цикл стихов Мардария Хонькова	400
Цикл речей в «Сказании о Молодце и Девнице».....	404
Цикл гаданий в «Рафлях»	408

Глава шестая Сборники как форма

«Задонщина» в сборнике середины XVII в.	415
Рукописный сборник, принадлежавший боярину М. П. Головину . . .	422
Приложения. Тексты	427
«Сказание о Вавилонском царстве» и состав сборника РГБ, собр. Тихонравова, № 72	438
Повествовательный комплекс в сборнике РГБ, собр. Пискарева, № 154	444
Приложения. Тексты	450
«Географическая» тема в рукописном сборнике второй половины XVII в.	455
Приложение. Диалог отроков о рождении Христове.	461
Рукописный сборник с неизвестными списками «Повести о разоре- нии Рязани Батыем» и «Сказания о Мамаевом побоище»	464
Состав сборника	465
Приложения. Тексты	472
Заключительная реплика	481
Указатель произведений	482
Именной указатель	488

Вступительные замечания

О конкретности объектов изучения. Дошедшая до нас древнерусская рукопись — конкретна. Произведение, первоначальная редакция которого не дошла и восстанавливается по более поздним спискам, уже менее конкретно. Автор или редактор произведения, особенно анонимный, уже совсем неконкретен. Авторские идеи, представления и чувства большей частью определяются расплывчато.

Сторонники конкретности объектов изучения — это археографы и текстологи. Честь им и хвала! Специалисты же в области поэтики памятников находятся в уязвимом положении. Но историкам древнерусской литературы никак нельзя отказываться от характеристики литературности произведений. Значит, надо ухватиться за проявления конкретности там, где они есть.

Поэтому в данной монографии мы рассматриваем произведения по конкретным спискам, а их изучение начинается с анализа смысла конкретных литературных средств и форм текста. Творческий облик автора или редактора в какой-то степени конкретизируется благодаря аналогиям из других произведений того же времени.

О названиях книги и глав. Термин «историческая семантика» используем как более узкий по содержанию сравнительно с термином «историческая поэтика». В большинстве случаев речь идет не об истории литературных средств и форм, а о смысле форм в тот или иной исторический момент. В данной монографии рассматриваются лишь небольшие литературные формы и их комплексы в произведениях.

Соответственно, названия глав подразумевают роль этих небольших форм внутри произведений, в частности не циклы памятников, а циклы в тексте памятника.

О научном стиле. Можно писать «сухо», фактографично, отстраненно, а можно — «живо», писательски выражая свое отношение к материалу. В первом случае получится скучно, во втором — субъективно. Автор данной монографии пытался соблюсти меру в сочетании этих двух стилей. Что получилось — судить рецензентам и читателям.

О библиографии. В книге часто упоминаются ученые без ссылок на их работы. Но зачем, как в прежние времена, перегружать книгу библиографией, если теперь все нужное легко можно уточнить в интернете и в общеизвестных справочниках? Поэтому ссылки делаются, как правило, лишь при цитировании работ и источников. Древнерусские тексты публикуются и цитируются с упрощением орфографии, допустимым в литературоведческих изданиях.

Пользуюсь случаем в который раз помянуть добрым словом своих учителей — Дмитрия Сергеевича Лихачева и Владимира Ивановича Малышева, а также Сектор древнерусской литературы Пушкинского Дома того времени.

Глава первая
ФРАЗЕОЛОГИЯ

«Опредмечивание» абстракций в «Слове о полку Игореве»

Обратим внимание на неизученное средство поэтики — «опредмечивание» абстрактных понятий в словосочетаниях с предметными глаголами на примере «Слова о полку Игореве». Предлагаем пока только предварительный обзор этого явления, без подробных доказательств и без аналогий из других памятников.

Чаще всего автор «опредмечивал» такие понятия, как «туга, печаль, тоска, труд, жалость», а также «мысль» и «слава»¹. Например, во фразе *«тугою въздышоа по Руской земли»* [1, с. 48] туга представляла растительными всходами, появившимися после посева. Но затем в тексте «Слова» туга мыслилась чем-то вроде агрессивного существа: *«туга умь полонила»* [1, с. 50], а потом — каким-то предметом, напоминающим пробку: *«тугою имь тули затче»* [1, с. 55]. Тоска и печаль, в свою очередь, оказывались жидкостями: *«тоска разлися по Руской земли, печаль жирна тече средь земли Рускыи»* [1, с. 49]; «трудъ» (то есть та же печаль) превращался в вещество, растворимое в вине: *«чръпахуть ми синее вино, съ трудомь смешено»* [1, с. 50]; а жалость объявлялась скачущим существом: *«Жля поскочи по Руской земли»* [1, с. 49].

Такое же разнообразие «опредмечиваний» демонстрировали понятия «мысль» и «слава». Мысль то покрывала древо или даже становилась древом: *«растекашется мыслию по древу»*; *«скача, славию, по мыслену древу»* [1, с. 43, 44]; то мысль выступала в роли объекта полета: *«мыслию ти прелетети»* [1, с. 51]; то мысль представляла как средство землемерия: *«Игорь мыслию поля мерить оть великаго Дону до малаго Донца»* [1, с. 55].

¹ «Слово о полку Игореве» цит. по: [1].

То же происходило со славой, которая мыслилась то неким предметом: «свивая славы» [1, с. 44]; «притрепа славу», «разшибе славу» [1, с. 53]; «звенить слава въ Кыеве» [1, с. 44]; «звонячи въ прадедную славу» [1, с. 51]; то слава представляла каким-то живым существом: «слава на судъ приведе... зелену паполому постла» [1, с. 48].

Более редки были следующие случаи, когда абстрактные понятия в «Слове» превращались в материальные вещи. Например, души воинов напоминали шелуху от зерна: «снопы стелють головами, молотять чеши харалужными, на тоце животъ кладуть, веють душу отъ тела» [1, с. 54]; душа же князя являлась наружу в виде роняемого жемчуга: «изрони жемчюжну душу изъ храбра тела чресъ злато ожерелие» [1, с. 53]. Княжеское слово становилось роняемым золотом: «изрони злато слово» [1, с. 51]. «Крамола» превращалась в металл: «мечемъ крамолу коваше» [1, с. 48]. Крик использовался как ограда: «дети бесови кликомъ поля *прегородиша*» [1, с. 47]. Даже тьма материализовалась в покрывало: «тьмою... воя прикрыты» [1, с. 44]; «Олець и Святославъ тьмою ся поволокоста» [1, с. 51]. И т. д. и т. п.

Абстрактные понятия превращались также в жидкости, например: «грозы твоя по землямъ текуть» [1, с. 52], и в растения: «сеяшется и растяшеть усобицами» [1, с. 48], но особенно эффектно — в живые существа: «въстала обида... вступила девою на землю» [1, с. 49]; «веселие пониче» [1, с. 50] и пр.

К «опредмечиванию» абстракций в «Слове» относится и «оживление» неживого в словосочетаниях. Природные явления превращались в живых существ, наделенных чувствами: «ночь стонуши» [1, с. 46]; «ничить трава жалощами» [1, с. 49]; «уныша цветы жалобою» [1, с. 55] или превращались в активных деятелей. Например, ветер метал стрелы «на свою нетрудную крилцу», веял «подъ облакы», лелеял «корабли на сине море», развеивал «веселие по ковылию»; Днепр-Словутич пробивал «каменные горы» и тоже «лелеяль» корабли; солнце «простре горячую свою лучю» на воинов [1, с. 54–55]. И ветер, и Днепр, и солнце Ярославна называла господами. Дон по-человечески «кличетъ и зоветъ князи» [1, с. 52]. А Донец становится нянькой: лелеет князя «на вльнахъ, стлавшу ему зелену траву на своихъ

сребреныхъ брезехъ [1, с. 55]. Солнце же «путь заступаше» Игорю с войском [1, с. 46]. И т. д.

Мало того, предметы воинского быта тоже вели себя как живые. Стяги и копья что-то произносили: «стязи глаголють» [1, с. 47]; «копиа поють» [1, с. 54]. Крепостные стены печалились: «уныша бо градомъ забралы» [1, с. 50].

И напротив: живое превращалось в неживое. Например, княжеские сердца — в булат: «ваю храбрая *сердца* въ жестоцемъ харалузе *скована*, а въ буести *закалена*» [1, с. 51].

Все приведенные примеры требуют привлечения аналогий из памятников XI–XII вв., чтобы уточнить их смысл в «Слове»: какие словосочетания были настолько распространены, что потеряли предметные оттенки, а какие сохранили предметный смысл в «Слове о полку Игореве».

Список литературы

1. Слово о полку Игореве / Изд. подгот. Л. А. Дмитриев, Д. С. Лихачев. Л.: Сов. писатель, 1967. 534 с.